

УДК 374.32

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ АЛГОРИТМА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Гаврилюк В.В., Гаврилюк Т.В., Фарахутдинов Ш.Ф.

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»,

Тюмень, e-mail: gavriliuk@list.ru, tv_gavrilyuk@mail.ru, fshamil@mail.ru

В статье исследуется процесс социальной мобильности российской молодежи в его связи с изменившимся социальным контекстом современного российского общества, находящегося в состоянии перехода к информационной стадии развития, актуализирующей значимость образовательных компетенций. Обобщаются и анализируются теоретико-методологические основания изучения социальной мобильности на основании хронологических, локальных и парадигмальных критериев. Сопряженность образовательной траектории и общей жизненной стратегии молодых людей исследуется путём осуществления кластерного анализа результатов массового опроса. Разрабатывается типология алгоритмов социальной мобильности нового поколения путём выявления отношения к образованию и самообразованию. Исследование показывает, что для молодежи выбор путей достижения наиболее благоприятной социальной позиции в современных реалиях определяется, прежде всего, наличием свободы индивидуального выбора и целенаправленными усилиями по самообразованию. Исследование вносит вклад в дальнейшую разработку проблематики исследования высшего образования как канала социальной мобильности, его выводы могут использоваться в управленческой, педагогической, общественной деятельности.

Ключевые слова: социальная мобильность, высшее образование, самообразование, социальная мобильность молодежи, кластерный анализ

HIGHER EDUCATION AS THE ELEMENT OF ALGORITHM OF SOCIAL MOBILITY OF RUSSIAN YOUTH

Gavrilyuk V.V., Gavrilyuk T.V., Farakhutdinov Sh.F.

Industrial University of Tyumen, Tyumen,

e-mail: gavriliuk@list.ru, tv_gavrilyuk@mail.ru, fshamil@mail.ru

The article examines the process of social mobility of Russian youth in relation to the changing social context of the modern Russian society in a state of transition to an information stage of development, actualizes the importance of educational competencies. Theoretical and methodological foundations of the study of social mobility on the basis of the chronological, local and paradigmatic criteria were summarized and analyzed. The conjugation of the educational trajectory and overall life strategies of young people were investigated through the implementation of cluster analysis results of the mass survey. The typology of the algorithms of social mobility of the new generation by identifying the attitude to education and self-education were developed. The study shows that the choice of ways to achieve the most favourable social positions in today's realities for young people is determined primarily by the presence of freedom of individual choice and deliberate efforts towards self-education. This study contributes to the further development of the study of higher education as a channel of social mobility, the findings can be used in managerial, pedagogical, social activities.

Keywords: social mobility, higher education, self-education, social mobility youth, cluster analysis

Тема социальной мобильности актуальна не только для России, но и для других стран, являясь в полном смысле глобальной. Современный мир находится на этапе «переопределения ситуации», кардинально меняются структура экономики и приоритеты политики, трансформируется образ будущего национальных государств. В индустриальный период общественного развития на социетальном уровне и на уровне жизненных траекторий отдельных социальных субъектов закрепились одни программы социальной мобильности, на новом постиндустриальном этапе – совершенно другие. Проецируя проблему алгоритмов социальной мобильности на Россию, следует отметить сложный характер протекания этого процесса.

Основная цель статьи – изучить возможности и перспективы социальной мобильности современной российской молодежи и её каналы, прежде всего значение такого социального лифта, как образование. В исследовании были поставлены следующие задачи: выявление социокультурных и институциональных особенностей становления стратегий и алгоритмов социальной мобильности на макроуровне российского общества; разработка типологии алгоритмов социальной мобильности нового поколения на основании значимости образовательного канала; определение приоритетов личностных и социальных перспектив в образе будущего современной молодежи в зависимости от типа избранной стратегии социальной мобильности.

Теоретические основания исследования социальной мобильности

Классическими основаниями исследования процессов мобильности являются подходы К. Маркса, М. Вебера и П.А. Сорокина, а также теоретиков структурного функционализма Т. Парсонса, К. Дэвиса и У. Мура. Во второй половине XX века проблематикой социальной мобильности занимались Р. Будон, С. Липсет, Р. Бендикс, П. Блау, К. Болте, Д. Гласс, Дж. Голдторп, О. Данкан, Б. Дюрье, Х. Зеттерберг, С. Липсет, Д. Локвуд, К. Сваластога, Д. Трейман, Д. Фезерман, Р. Хаузер, Р. Эриксон и др. С. Липсет и Р. Бендикс [8] исследовали в основном межпоколенную мобильность в региональном и территориальном аспектах. Согласно их концепции, развитие индустриальных обществ связано с увеличением интенсивности вертикальной мобильности. Широкие возможности социального роста выполняют, с одной стороны, роль «предохранительного клапана», предотвращающего социальную турбулентность, с другой стороны, позволяют рационально использовать пассионарный потенциал новых поколений. Американские социологи П. Блау и О. Данкан [7] пришли к выводу, что предписанные признаки (расовая принадлежность, религия, возраст, пол, национальность) могут служить эффективным механизмом распределения трудовых ролей, а следовательно, влияют и на профессиональную карьеру, и на социально-профессиональную мобильность. Другие зарубежные исследователи – М. Яиш, Р. Андерсен [9, с. 17–26] провели исследование социальной мобильности в современном обществе с точки зрения степени воздействия политического и экономического контекста.

В последнее десятилетие XX века заметно выделяются исследования Б. Дюрье, который обосновал особую значимость компаративного анализа для понимания перспектив социальной мобильности. Кроме того, надо назвать и работы Дж. Голдторпа и Р. Эриксона, которые провели сравнение уровней мобильности в разных индустриальных обществах и пришли к выводу о близости показателей социальной мобильности во всех индустриально развитых странах независимо от социального строя [1]. Принципиально новый взгляд на исследуемую проблематику представил британский социолог Дж. Урри [6]. Его позиция связана с исследованием современного глобального информационного общества, где традиционные границы и социальные институты оказывают все меньшее влияние на социальную динамику. Наиболее значи-

мыми становятся различные виды физического и виртуального движения и перемещения. Предлагая такую «социологию мобильностей», Дж. Урри рассматривает путешествия людей, образов, объектов, посланий, мусора и денег через международные границы.

В российской социологии советского периода проблемы социальной мобильности, в силу известных причин практически не исследовались. Между тем западные социологи отмечали, что эгалитарные социальные институты советской общественной системы продемонстрировали высокую эффективность в уравнивании жизненных шансов по сравнению с институтами, обслуживающими мобильность в развитых странах Запада. Еще П. Сорокин [5] констатировал существование в СССР мощных потоков мобильности, отмечая при этом, что эти же самые потоки постепенно сводили на нет большевистскую программу достижения полного равенства. Более поздние исследования, рассматривающие информационный этап развития общества, отмечают значительные изменения в каналах социальной мобильности, признавая наличие в этой сфере ряда серьезных проблем. Повсеместными являются выводы экспертов о снижении степени эффективности традиционных каналов мобильности, в том числе и высшего образования, в настоящее время.

В России осуществлено несколько фундаментальных исследований социальной мобильности под руководством В.А. Ядова. На сегодняшний день в отечественной науке существует два основных направления исследований, которые, в контексте поставленной в нашем исследовании проблемы нуждаются в некотором синтезе. Первое направление представляет анализ социальной мобильности в контексте изучения социальной структуры общества и представлено в работах З.Т. Голенковой, М.К. Горшкова, Т.И. Заславской, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, Н.Е. Тихоновой, О.И. Шкаратана и др. Авторы (например, З.Т. Голенкова [4]) отмечают, что за последние десятилетия разрушилась тесная взаимосвязь между политическим, экономическим и культурным факторами мобильности. Для мобильности современного российского общества характерны такие черты, как высокий уровень нисходящей мобильности, рассогласование статусов, закрытость элит, наличие множества неформальных барьеров. Анализ образовательных институтов в качестве каналов социальной мобильности также показывает их ограниченные возможности. Второе направление складывается из работ, посвященных перспективным ориентациям

молодежи, представленных такими понятиями, как «жизненные стратегии», «жизненный путь личности», «трудовые ориентации», «карьерные стратегии», «стратегии успеха» и т.д. К анализу этих проблем обращались Ю.А. Зубок, С.Н. Иконникова, И.С. Кон, Д.Л. Константиновский, В.Т. Лисовский, В.С. Магун, Ю.М. Резник, Ж.Т. Тощенко, М.Х. Титма, Г.А. Чередниченко, В.И. Чупров, Ф.Э. Шереги, В.Н. Шубкин и др. Особо следует выделить проект «Пути поколения» под руководством М.Х. Титмы, начавшийся во второй половине XX века и реализовавшийся до конца столетия [3].

В 1990-е годы в России для молодежи открылись новые каналы вертикальной социальной мобильности, связанные с групповой поддержкой при продвижении: землячества, этнические и конфессиональные группы. Особую роль в повышении социального статуса приобрели не только семейные кланы, но и просто нужные связи и знакомства. Все это серьезно подорвало авторитетность в общественном мнении таких традиционных каналов социальной мобильности, как образование и профессия. Какую роль отводят образованию в актуальных условиях молодые люди, как образование вписано в их стратегию социальной мобильности, на какие образовательные формы возлагают надежды молодые люди, каков процент молодежи, для которой высшее образование по-прежнему является важнейшим жизненным ориентиром, – на эти и другие вопросы мы попытаемся дать ответ в нашем исследовании.

Методы

Основным методом исследования стал массовый опрос, объектом которого выступили молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет, проживающие на территории Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа. В исследовании использовался целевой тип выборки, её общий объем составил 1252 человека. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics, v.19. Основным видом анализа, позволившим осуществить типологизацию молодежи на основании ключевых показателей, выступил иерархический кластерный анализ с использованием метода Варда и меры квадрата Евклидова расстояния. Для выявления специфики кластеров использовались также методы частотного анализа и анализ таблиц сопряженности.

Образование в контексте общего алгоритма социальной мобильности молодежи: метод кластеризации

Задача выявления корреляции отношения к высшему и дополнительному образованию и общей стратегии социальной мобильности молодежи решалась посредством анализа содержания представлений об индивидуальном благополучии и избираемых путях его достижения. Был осуществлен кластерный анализ ответов на вопрос: «Каким ты видишь для себя наиболее оптимальный путь достижения жизненного успеха в будущем?», где респондентам предлагалось выбрать не более трёх вариантов. В результате удалось выделить восемь модальных типов, которым были присвоены условные имена (также в описании указаны типобразующие признаки и объём каждого кластера в процентах от общего числа опрошенной молодежи):

1. **«Отличники» (9,4 %):** получение качественного образования (95,8 %) – стремление, упорство в достижении целей (40,7 %). Молодёжь данного типа доверяет традиционным образовательным институтам и считает грамотный выбор учебного заведения, качество образования и собственные усилия, направленные на усвоение знаний, важнейшим условием жизненного успеха в будущем. Самообразование для данной группы не столь важно, как для других типов (всего 31,4 %).

2. **«Интеллектуалы» (13,3 %):** постоянное самообразование (88 %) – стремление, упорство в достижении целей (87,3 %) – получение качественного образования (37,3 %) – правильные учителя и наставники (30,7 %). Считая образовательный фактор важнейшим, как и представители первой группы, молодёжь данного кластера не готова перекладывать ответственность за собственное будущее на официальные институты. Отчётливо наблюдается личностная, а не институциональная ориентация представителей этой когорты: они полагаются на собственные силы, но в то же время осознают необходимость в грамотных наставниках, способных направить их на пути к достижению цели. В данной группе, как и в предыдущем кластере «отличников», преобладают девушки (свыше 60 %).

3. **«Золотая молодёжь» (16,8 %):** получение диплома престижного вуза (79,1 %) – проживание за границей (40,3 %). Представителей данного кластера интересует именно наличие диплома, а не содержание образования. Эта группа молодежи из семей с наиболее высоким достатком (почти 40 % респондентов отметили, что доход семьи высокий или выше среднего), и около

половины из них демонстрируют отчётливые миграционные намерения.

4. **«Прирождённые лидеры» (12,3 %):** харизма, особые личностные качества, умение влиять на людей (95,5 %) – постоянное самообразование (71,4 %) – стремление, упорство в достижении цели (40,9 %). К этому типу относятся молодые люди, уверенные в решающей роли личностной харизмы в достижении жизненного успеха. При этом они ориентированы на самосовершенствование, получение дополнительных знаний и готовы прикладывать усилия в стремлении достичь желаемого.

5. **«Креативный класс» (14,9 %):** наличие таланта и незаурядных способностей (62 %) – постоянное самообразование (63,6 %) – стремление, упорство в достижении целей (53,5 %) – удачное стечение обстоятельств (52,4 %). Представители данной группы не доверяют официальным каналам социальной мобильности, таким как университетское образование, предпринимательство или удачный брак, ориентируясь исключительно на собственные уникальные навыки и талант. Вера в счастливую случайность для них не предполагает бездействия, напротив, удачное стечение обстоятельств, сопутствующее жизненному и карьерному прорыву, в их представлении возможно лишь на твёрдом фундаменте личного самосовершенствования. Обращает на себя внимание, что данная группа является единственной, для которой достаточно значимым оказался фактор *умение использовать ресурсы Интернета, социальных сетей* (10,2 %), в том числе и в целях самообразования.

6. **«Бизнесмены» (13,6 %):** открытие своего дела (99,4 %) – постоянное самообразование (68,8 %) – стремление, упорство в достижении целей (55,3 %). Молодые люди, ориентированные на предпринимательство, делают ставку на непрерывный труд, не надеясь ни на социальные институты, ни на удачу, ни на собственный креативный потенциал. У представителей данной группы можно диагностировать недоверие к вузовскому образованию. Знания для них актуализируются только в контексте их практического применения, а институциональное подтверждение квалификации не является гарантом обретения необходимых навыков.

7. **«Семьянины» (13 %):** удачный брак (67,5 %) – открытие своего дела (54 %) – родственные и дружеские связи (40,5 %). В данный кластер включены молодые люди, у которых ярко выражена ориентация на семейные ценности и межличностные

отношения. Воспринимая дружеские и семейные связи как неперемное условие социальной успешности, они также заботятся о материальном благополучии, оптимальным способом достижения которого считают собственный бизнес. Обращает на себя внимание факт незначительного разрыва в гендерном составе участников группы: 55,9 % женщин, 44,1 % мужчин. Представители этой группы не рассматривают образовательный канал в качестве эффективного способа социального продвижения, ориентируясь на иные формы самореализации.

8. **«Маркетологи» (6,7 %):** умение устанавливать отношения с «нужными» людьми (98,8 %) – стремление, упорство в достижении цели (60,7 %) – открытие своего дела (42,9 %). Молодёжь данного типа рассматривает коммуникативные навыки и настойчивость как достаточные основания успеха в жизни. Полагаясь на социальные связи, умение преподнести себя с лучшей стороны, «продать» некий имидж или идею, они практически не ценят образование. Значительная часть представителей данной группы (42,9 %) делает ставку на предпринимательскую деятельность в будущем.

Рассмотрим далее различие приоритетов личностных и социальных перспектив в образе будущего современной молодежи применительно к выделенным кластерам. Подавляющее большинство молодежи (от 60 до 75 %) во всех типологических группах заявляют, что смотрят в будущее «с уверенностью и оптимизмом». Вместе с тем значительное количество молодых людей испытывают страх перед будущим: порядка 40 % «креативного класса» и «семьянинов» не уверены в дальнейшем благополучии. Увереннее всех чувствуют себя «маркетологи» и «бизнесмены». От 73 до 78 % молодых людей во всех кластерах уверены в том, что о будущем стоит задумываться и планировать его. Исключение составляют «золотая молодёжь» и «семьянины», в которых число респондентов, предпочитающих жить сегодняшним днём, несколько выше. Очевидно, что молодые люди, ставящие влияние внешних факторов выше собственных усилий, осознают их непредсказуемость и риски, связанные с реализацией такого рода стратегий достижения социального статуса.

Молодёжь России по-прежнему остаётся деполитизированной – от 55 до 65 % в каждом кластере не имеют политической позиции и не являются сторонниками тех или иных политических направлений. Более половины молодёжи во всех группах декларируют ориентацию на патриотические ценности, что свидетельствует о наличии определённого консенсуса в российском

обществе относительно значимости государственной идеологии и действенности применяемых в последнее десятилетие механизмов её формирования. Однако очевидно наличие миграционных намерений значительной части молодежи. Наименьший процент стремящихся покинуть страну среди молодежи, ориентированной на образование в достижении социального статуса, – «отличников» и «интеллектуалов». Большинство из них (70,4 и 69,9% соответственно) также заявляет о своей патриотической гордости и желании трудиться на благо своей страны.

Итак, в отличие от советского и постсоветского периодов развития России, современная молодежь не ориентируется на какой-то единый алгоритм социальной мобильности и не исходит из единого, общего для поколения образа будущего. Образ личного будущего и выбор алгоритма его достижения сегодня не определяются только социальным статусом молодого человека, но предполагают свободу индивидуального выбора. Высшее образование сохраняет свою значимость в качестве основного канала социальной мобильности лишь для 10–15% молодых людей, остальные же ориентируются на самообразование либо иные способы повышения социального статуса, не связанные с получением знаний и расширением эрудиции.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежи».

Список литературы

1. Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство. Часть 2. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3(97), 2010. С.18-46. [Электронный ресурс] / URL: [http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/97/2010_3\(97\)_3_Belyaeva.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/97/2010_3(97)_3_Belyaeva.pdf) (Дата обращения: 4.05.2016).
2. Вебер М. Основные понятия стратификации. Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
3. Жизненные пути одного поколения / под ред. М.Х. Титма; РАН, Ин-т социологии. – М.: Наука, 1992.
4. Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН, 2008. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Monografii/Modern_soc_strukt_ross_obschestva_2008.pdf (дата обращения: 4.05.2016).
5. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 302–373.
6. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия: пер с англ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
7. Blau P.M., Duncan O.D. The American occupational structure. – N.Y., 1967.
8. Lipset S.M., Bendix R. Social Mobility in Industrial Society. – Berkeley: University of California Press, 1959.
9. Yaish M., Andersen R. Social mobility in 20 modern societies: The role of economic and political context. 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://soc.haifa.ac.il/~yaish/papers/SSR_Yaish&Andersen.pdf (дата обращения: 4.05.2016).